

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

ГЛАВА 1

Когда в дверь старого особняка из бурого песчаника звонят, это слышно сразу в четырех местах: на кухне, в кабинете, в комнате Фрица и у меня в спальне. Кому идти открывать, зависит от обстоятельств. Если на часах без десяти час ночи, а меня дома нет, то не откроет никто и ночному гостю придется ждать до утра. Если он проявит настойчивость и будет звонить минут пятнадцать, то Фриц все-таки выйдет к нему, приоткроет входную дверь на ширину накинутаой цепочки и внятно объяснит: дескать, приходите утром. А если я дома, то с меня станется сначала выглянуть в окно, узнать, кого там принесло, а уже потом разбираться, зачем мы кому-то понадобились.

Вообще-то, в такое время к нам ломятся редко, но в ту ночь с понедельника на вторник в конце октября все случилось именно так. Я был дома, но ложиться пока не ложился — торчал в кабинете, куда заглянул по привычке, проводив Лили Роуэн после спектакля и совместного ужина во «Фламинго». Да, я всегда навещаю кабинет по вечерам, проверяю, не оставил ли Вулф для меня какой-либо записки с указаниями. В тот вечер записки не было. Я шагнул было к сейфу, чтобы удостовериться, что замок заперт, но тут прозвенел звонок. Я вышел в прихожую и сквозь одностороннее стекло входной двери увидел на крыльце Пьера Дюко.

Он частенько обслуживал меня, да и других тоже, в одном из трех кабинетов наверху в ресторане «Рустерман». В иных местах мы прежде не сталкивались, уж точно не на нашем крыльце среди ночи. Я отодвинул засов и приоткрыл дверь:

— Я не голоден, но так и быть, заходите.

Пьер переступил порог:

— Мне нужно поговорить с мистером Вулфом.

— В это время? — Я запер дверь. — Разве что речь идет о жизни и смерти.

— О них.

— Ну, не знаю. — Я окинул Пьера взглядом, впервые видя его не в униформе. Я знал, что ему пятьдесят два, но в свободном бежевом пальто до колен и без шляпы он выглядел старше. Казалось, будто под пальто он как-то съежился, а его лицо стало меньше и морщинистее. — Кому неприятности грозят?

— Мне.

— Давайте потолкуем. — Я повернулся. — Идите за мной.

Я провел его в кабинет. Предложил забрать пальто, но он сказал, что предпочитает остаться одетым, и это было разумно. Отопление выключили два часа назад, а домашний термостат мы опустили на четыре градуса, чтобы не расходовать зря топливо. Я взмахом руки указал Пьеру на одно из желтых кресел, сам же сел за свой стол и всем видом продемонстрировал, что готов слушать.

Он всплеснул руками:

— Вы правильно сказали. Это вопрос жизни и смерти. Для меня. Меня хотят убить.

— Нет, так не пойдет. Хорошего официанта найти непросто, да и не в том вы возрасте, чтобы умирать. Кто хочет вас убить и почему?

— Вам бы только посмеяться, Гудвин. Между прочим, смерть — это вовсе не смешно.

— Ошибаетесь. Жизнь — вот что не смешно. Итак, кто вам угрожает?

— Я расскажу мистеру Вулфу.

— Он давно спит. Обычно он принимает клиентов только по записи, но для вас, полагаю, сделает исключение. Приходите утром, часов в одиннадцать. А если ждать невозможно, рассказывайте мне.

— Я... — Он оборвал себя и уставился на меня. В ресторане он видел меня вблизи минимум полсотни раз, если не всю сотню и наверняка давным-давно составил обо мне какое-то мнение, но все равно молчал секунд десять, что-то прикидывая в уме. Раскрыл рот, закрыл, потом раскрыл снова. — Поймите, мистер Гудвин, мне хорошо известно, что мистер Вулф — величайший на свете детектив. Так говорит Феликс, и все остальные ему вторят. Вы, конечно, тоже неплохой сыщик, это все знают, но когда человек уверен, что его убьют, если только он... если только... — Пьер стиснул кулаки, затем разжал пальцы и опустил руки на колени, ладонями вверх. — Мне очень нужно поговорить с мистером Вулфом.

— Ладно. Жду вас завтра утром в одиннадцать. К которому часу вам на работу?

— Я не пойду на работу. — Он бросил взгляд на наручные часы. — Еще десять часов... А можно заночевать у вас, вон на том диване? Белье и одеяло мне не нужны, я никого не беспокою, честное слово.

Похоже, он и вправду напуган или думает, что напуган. Диван в углу кабинета, за моим столом, вполне годился для сна, это подтверждал мой собственный опыт: мне доводилось спать на нем не раз и не два — обстоятельства вынуждали, а с другой стороны выступающей стены располагалась оборудованная ванная. Но оставлять чужака на целую ночь в кабинете, где десяток тысяч документов и улики на столах и в ящиках, даже не запертых, — на это я, разумеется, пойти не мог. Вариантов, как поступить, имелось четыре: убедить Пьера открыться мне, пойти разбудить Вулфа, пустить Пьера переночевать или прогнать до утра. На первое уйдет добрый час, а я устал и глаза уже слипаются. Второе неразумно. Если официанта прогнать, а к одиннадцати утра он не явится, потому что успеет умереть, в следующий раз за ланчем или за обедом в кабинете наверху в «Рустермане» Вулфа будет обслуживать новый официант, что неизбежно вызовет вопросы, а я горько о том пожалею.

Я снова покосился на Пьера. Может, обыскать его? Может, он по какой-то неведомой причине затаил на Вулфа личную обиду или его нанял кто-нибудь из тысячи-другой людей, уверенных, что без Ниро Вулфа на свете станет намного проще жить? Да, такое возможно, однако вряд ли он стал бы тогда ломать эту ночную комедию. Скорее он попросту подсыпал бы отраву в еду Вулфа, якобы отлучившись за заказом. Ладно, хватит. В конце концов, Пьер изучил меня, а я изучил его...

— Моя пижама будет вам велика, — сообщил я.

Он помотал головой:

— Я не стану раздеваться, хотя обычно сплю нагишом.

— Как скажете. Так или иначе, белья и одеял полным-полно в нашей Южной комнате, двумя этажами выше. Я сплю на том же этаже, над комнатой мистера Вулфа. По правде сказать, я уже шел спать, когда вы позвонили в дверь. Идемте.

— Мистер Гудвин, я не хочу докучать... Позвольте мне остаться здесь. — Тем не менее он встал вслед за мной.

— Не позволю. Решайте — либо наверх, либо на улицу.

— На улице страшно. В воскресенье вечером меня чуть не сбила машина. Это он, мой убийца, я знаю. Мне страшно выходить наружу.

— Тогда идемте. Может, когда отоспитесь, вам станет легче.

Я направился к двери, и он послушно поплелся за мной. У лестницы я щелкнул выключателем, бодро взбежал по ступенькам, но дальше пришлось задержаться, потому что Пьер изрядно отстал. На площадке третьего этажа я свернул налево, распахнул дверь Южной комнаты и зажег свет. Проверять, застелена ли постель и есть ли в ванной полотенца, не было нужды. Я знал, что все в порядке. Требовалось лишь включить радиатор.

— Простите, мистер Гудвин, — извинился Пьер. — Мне очень жаль...

— Мне тоже, — заверил я. — Жаль, что вы угодили в неприятности. Короче, оставайтесь тут, пока я не сообщу, что рассказал мистеру Вулфу о вашем деле. Это произойдет око-

ло девяти утра. Если вам вздумается открыть дверь и сунуться в коридор раньше восьми, у меня прозвенит звонок и я выскочу к вам с пистолетами в обеих руках. Безопасность, сами понимаете. Может, вам чего-нибудь налить? Виски? Спать крепче будете...

Он отказался, снова принялся извиняться, и я ушел, плотно закрыв за собой дверь. У себя в спальне я посмотрел на часы. Семнадцать минут второго. Никаких тебе положенных восьми часов сна. Обычно, когда ложусь поздно, я ставлю радиобудильник на девять тридцать, но сегодня так не получится. Мне нужно встать, одеться и успеть рассказать Вулфу о госте, прежде чем он отправится в оранжерею в девять утра.

Разумеется, я запомнил, сколько минут потратил на все эти размышления. Шесть, в худшем случае — семь. Надо поторопиться, Арчи. Я достал из шкафа пижаму, установил будильник на нужное время, откинул покрывало, переключил свой телефонный аппарат на прием звонков, щелкнул двумя выключателями, повесил на плечики пиджак, развязал галстук, снял ботинки и носки и уже расстегивал ремень, когда дом содрогнулся от чудовищного грохота. Пол у меня под ногами заходил ходуном. Позже я безуспешно пытался сообразить, что именно напоминал этот звук. Не гром, точно, и не выстрел. Он не был похож вообще ни на один из привычных звуков. Не удар, не раскат, не взрыв, просто оглушительный грохот. Хорошо, что сразу несколько стен и дверей отделяли меня от его источника.

Я метнулся в коридор и поспешно включил свет. Дверь в Южную комнату оставалась закрытой. Я подскочил к ней, подергал ручку. Бесполезно, Пьер заперся изнутри на засов. Я сбежал на пролет вниз, убедился, что дверь в комнату Вулфа целехонька, подошел ближе и постучал. Обычные три стука, с коротким промежутком. В ответ мне рыкнули:

— Что стряслось, Арчи?

Я открыл дверь, вошел и зажег свет. Уж не знаю почему, но в желтой пижаме Вулф смотрится куда крупнее, чем в кос-

тюме. Не толще, а именно крупнее. Он откинул желтое электрическое одеяло заодно с черной простыней и успел сесть в кровати.

— Ну? — требовательно спросил он.

— Не знаю, — признался я, мысленно похвалив себя за то, что мой голос не сорвался на писк от удовольствия лицезреть Вулфа в таком виде. — У нас гость, ночует в Южной комнате. Дверь заперта на засов, но надо проверить.

Из трех окон по южному фасаду два крайних всегда оставляли на ночь приоткрытыми, дюймов на пять, а среднее закрывали и задергивали шторы. Я раздвинул занавески, взялся за шпингалет, раскрыл створки и выбрался наружу. Пожарная лесенка была всего на фут шире оконного проема. Позднее я пытался вспомнить, было ли холодно моим босым ногам, когда я лез по перекладинам вверх, но так и не вспомнил. Уж всяко я перестал обращать внимание на холод, когда забрался выше и увидел, что стекла в окне Южной комнаты выбиты почти целиком. Я просунул руку между зазубренными осколками, нащупал задвижку, открыл окно и осторожно заглянул внутрь.

Пьер лежал на спине, головой ко мне и ногами к закрытой двери в стене справа от окна. Я аккуратно смахнул осколки стекла с подоконника, пролез в комнату и, высматривая стекло на ковре, подошел к ночному гостю. У Пьера попросту не осталось лица. Я никогда такого раньше не видел. Попробуйте вообразить, что вы залепили кому-то лицо толстым слоем теста, а потом залили кровью нижнюю половину этой лепешки... Пьер был мертв, конечно, однако я присел на корточки, чтобы в этом удостовериться. Тут в дверь трижды громко постучали. Я поднялся, отодвинул засов и впустил Вулфа. Он держал в руках трость. Обычно одна из тростей стоит в подставке в прихожей внизу, а еще четыре в его комнате. Набалдашник у этой трости была размером с мой кулак, и Вулф уверял, что она вырезана из древесины черногорской яблони.

— Вам это не понадобится, — заметил я и посторонился, позволяя ему пройти.

Он вошел в комнату и внимательно огляделся.

— Пьер Дюко из ресторана «Рустерман», — пояснил я. — Явился, когда я уже вернулся. Твердил, что кто-то хочет его убить и что ему надо посоветоваться с вами. Я предлагал пообщаться со мной, если дело срочное, или вернуться завтра в одиннадцать. Он сказал, что его пытались задавить на улице и что...

— Обойдемся без подробностей.

— А их и нет. Он хотел дождаться вас на диване в кабинете, но я ему, естественно, не разрешил, отвел сюда и велел не высовываться. Потом пошел к себе, а через несколько минут громыхнуло. Он заперся изнутри, так что...

— Он мертв?

— Ну да. Стекла выбило наружу, значит бомбу подложили. Надо осмотреться, прежде чем вызывать полицию. Если вы...

Пришлось замолчать, ибо Вулф начал двигаться. Приблизился к Пьеру, наклонился, изучил тело. Выпрямился, посмотрел на дверцу шкафа — та распахнулась от взрыва, ударилась о стену и треснула. На пол осыпалась штукатурка с потолка, стол перевернуло кверху ножками, лампа разбилась вдребезги, а стул отшвырнуло в изножье кровати.

Наконец Вулф повернулся ко мне:

— Тебе и так придется.

Впоследствии это его замечание много обсуждалось, но тогда я просто сказал:

— Ага, я собираюсь...

— Я знаю, что ты собираешься делать. Сначала обуйся. Я иду к себе и запрусь на засов. Буду у себя в комнате, пока полиция не явится и не отбудет. Всем говори, что я никого не принимаю. Передай Фрицу, чтобы принес мне завтрак, когда поблизости никого не будет. Теодору сообщи, чтобы он меня в оранжерее не ждал. Все понятно?

— Так точно.

Он удалился, по-прежнему сжимая в руке — за нижний конец, не за набалдашник — трость из черногорской яблони.

Звука лифта я не услышал, значит он спустился к себе пешком, что бывает крайне редко. Да еще и босым.

Что бы Вулф ни говорил, а он знать не знал, что я намерен предпринять. Он и не подозревал, что я спущусь на цокольный этаж, где обитал Фриц. Но сначала я натянул носки, обулся и накинул пиджак, потом прошел в кабинет и поднял термостат до 70 градусов¹, затем спустился и громко постучал в дверь комнаты Фрица. Наш повар — завидный соня, но сейчас дверь открылась где-то через полминуты. Подол его ночной рубахи колыхался на ветерке из открытого окна. Мы с Фрицем часто спорили, что лучше — пижама или ночная рубаха, и конца этому спору не предвиделось.

— Прости, что вламываюсь, — извинился я. — Но кое-что случилось. Пришел посетитель, я отправил его в Южную комнату, а он притащил с собой бомбу, и та взорвалась. Он погиб. Дом цел, только сама комната пострадала. Мистер Вулф приходил, осмотрелся и ушел к себе, заперся на засов. Не исключено, что нам с тобой спать больше не придется, скоро сюда завалится шумная толпа копов. Когда понесешь ему завтрак...

— Дай мне пять минут, — перебил Фриц. — Ты будешь в кабинете?

— Нет. Наверху, в Южной комнате. Когда понесешь ему завтрак, убедись, что за тобой никто не увязался.

— Четыре минуты. Мне тоже подняться к тебе?

— Нет, оставайся внизу. Просто впусти полицию, и все. Но суетиться не будем. Мне надо сделать парочку дел, а уже потом я им позвоню.

— Кого впускать?

— Всех и каждого.

— Von Dieu².

— Согласен. — Я направился было к лестнице, но по дороге наверх решил не сворачивать в кабинет за резиновыми перчатками — без них будет проще и быстрее.

¹ По Фаренгейту, то есть чуть выше 21 °С. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Боже мой (*фр.*).

Пьер по-прежнему лежал на полу, и перво-наперво следовало понять, как он там очутился. Я не считаю себя специалистом по взрывчатке, но одна идея меня посетила. Среди ошметков штукатурки на полу то и дело попадались какие-то странные стружки, самая крупная размером с ноготь моего большого пальца. Еще я отыскал четыре таких, какие смог опознать. Во всяком случае, я решил для себя, что это алюминий. Среди них обнаружилась стружка шириной четверть дюйма и длиной около полдюйма. На ней проступали темно-зеленые буквы «ЕДР». На стружке поменьше виднелась надпись «ДО», на ее товарке — «ду», последняя оказалась без клейма. Я оставил эти стружки валяться там, где они валялись. Если пытаешься убрать улики с места преступления, рано или поздно наступает такой день, когда возникает необходимость эти улики предъявить и объяснить, откуда они взялись.

Что касается резиновых перчаток, насчет них я вообще задумался, потому что спросил себя: а не найдется ли на теле жертвы какая-нибудь записка с именем или иная улика? Короче, я опустился на колени рядом с Пьером и тщательно обыскал труп. Пальто он так и не снял, кстати. В карманах пальто ничего не нашлось, в карманах пиджака и брюк отыскались обычные предметы: сигареты, спички, пара долларов мелочью, кольцо для ключей, носовой платок, перочинный нож, бумажник с водительским удостоверением, кредитками и восемьдесят четыре доллара наличкой. Ничего такого, в чем можно было бы углядеть подсказку. Конечно, стоило бы проверить обувь, убедиться, что он не приклеил никаких улик к своей коже, но подобная проверка требовала времени, а его было в обрез.

Я спустился в кабинет, где меня поджидал полностью одетый Фриц, сел за стол, придвинул к себе телефонный аппарат и набрал по памяти номер.

ГЛАВА 2

Отношение к нам с Вулфом у сержанта Пэрли Стеббинса было своеобразным — из разряда «да и нет» или «хотелось бы нет, но да». Если он обнаруживал нас в радиусе десяти миль от места убийства, то явно желал податься в дорожный патруль или бороться с распространением наркотиков, однако хорошо понимал, что наверняка скоро произойдет что-то такое, чего нельзя пропустить. А мое отношение к нему такое: я считал, что бывают копы и похуже. Мне лично доводилось встречать нескольких.

В 4:52 сержант Стеббинс сел в желтое кресло в кабинете, откусил от сэндвича, приготовленного из испеченного Фрицем хлеба, и сказал:

— Тебе чертовски хорошо известно, Гудвин, что я обязан спросить Вулфа, не произносил ли Дюко или кто-то еще в ресторане каких-то слов, которые могут быть полезны для расследования. Не я спрошу, так другие захотят узнать. В одиннадцать утра или в шесть вечера.

Я доел свой сэндвич:

— Сомневаюсь, что он захочет сотрудничать. Уж точно не в одиннадцать, да и в шесть вряд ли. Глядишь, он даже со мной откажется говорить. Человека убили в его собственном доме, всего в десяти футах от него самого. Ты же его знаешь, верно?

— Угу. Инспектор тоже знает. И тебя, Гудвин, я давно раскусил. Если думаешь меня обвести вокруг...

Я хлопнул ладонью по столу:

— Хватит! В моих показаниях, которые я подписал, четко сказано, что я нашел жертву на полу мертвой. Возможно, по телефону мне следовало бы привести больше подробностей, но с места преступления я ничего не забирал. Признаю, впрочем, что кое-какие улики я придержал. Они будут обнародованы на суде, если и когда тот случится.

— Вот как? Придержал, значит?

— Да. Конечно, ты отошлешь все, что вы найдете, в свою лабораторию, и ответ поступит быстро, думаю, через пару дней. Но, быть может, тебе будет приятно сообщить самому... Короче, я знаю, как изготовили эту бомбу.

— Ага. А в показаниях этого нет.

— Пришлось бы целую лишнюю страницу писать, а я устал. К тому же я предпочитаю сам рассказать тебе. Ты слышал о сигарах дона Педро?

Стеббинс проглотил последний кусок сэндвича, не сводя с меня пристального взгляда:

— Нет.

— Еще бы! Кремер удавится такие покупать. Девяносто центов за штуку. У «Рустермана» их подают в алюминиевых цилиндриках, на которых большими темно-зелеными буквами с одной стороны написано «ДОН ПЕДРО», а с другой — маленькими буквами «Гондурас». В уликах, которые вы собрали, есть кусок алюминия с надписью «ДО», другой кусок с надписью «ду» и большой кусок с надписью «ЕДР». В общем, вот как все было, по-моему. Когда я вышел из комнаты, Пьер то ли сел, то ли побродил туда-сюда несколько минут, потом решил раздеться и лечь спать — и открыл дверцу шкафа. Когда снимаешь пальто, чтобы повесить его на вешалку, то машинально проверяешь карманы? Лично я — да, проверяю, и Пьер, видимо, тоже проверял. В одном кармане он наткнулся на футляр с сигарой от дона Педро, который, разумеется, сразу узнал. Он понятия не имел, как этот футляр к нему попал, и отвинтил крышку, держа близко к лицу — скажем,

дьюймах в десяти от себя. Если ты заметил, на подбородке у трупа ссадина, след от алюминия. Вот отчего у него лицо словно расплющилось. Ученые называют такой взрыв как-то по-особенному, но я забыл слово. Можешь сам поискать, если захочешь включить в отчет.

Стеббинс слушал меня, не размыкая плотно сжатых губ и поглядывая из-под наполовину прикрытых век. В моем стакане оставалось с полдьюма молока, и я допил остаток.

— Что это за алюминиевые стружки, я сообразил еще до того, как позвонил вам, но остальное — где и как все произошло — мне стало ясно позднее, пока я ждал вас и занимал себя разными мыслями. Также я прикинул, что могло бы случиться, вздумай я обыскать Пьера прежде, чем вести его наверх. Конечно, я бы тоже захотел узнать, что там в футляре... Ну да ладно, я-то жив. Почему не стал обыскивать, я уже объяснял. В общем, в моих показаниях этого нет, так что с тебя коробка конфет. Я предпочитаю карамельки.

Стеббинс наконец разомкнул губы:

— Я пришлю тебе орхидею. Ты хоть представляешь, что начнется, если до этого докопается Роуклифф?

— Разумеется. Он отправит целый взвод выяснять, где недавно я покупал сигары дона Педро. Но ты-то не обделен мозгами и даже иногда ими пользуешься.

— Не забудь как-нибудь отметить это в своих показаниях. Мои мозги подсказывают, что Дюко мог сказать что-то такое, из чего ты вывел, откуда у него взялась эта сигара. Но в показаниях об этом ни слова.

— Наверное, забыл. Прости великодушно.

— А еще я уверен, что окружной прокурор захочет узнать, почему я не забрал тебя в участок как важного свидетеля. Бомба взорвалась в час двадцать четыре, ты проник в комнату жертвы и нашел его на полу через две или три минуты, а нам позвонил в два часа одиннадцать минут. То есть через сорок пять минут, хотя тебе известны требования закона, у тебя же есть лицензия.

— Давай-ка проясним.

— Окружной прокурор захочет узнать, почему я тебя не задержал.

— Ну да, и ты все ему растолкуешь, а я тебя поддержу, когда выплыву. Было совершенно понятно, что спешить некуда. Из-за чего бы Пьер ни погиб, он явно принес устройство с собой. Взрыв случился среди ночи. Если бы я позвонил тебе сразу, а ты примчался через две минуты, ровным счетом ничего бы не изменилось. Как ни крути, нам с тобой ждать до утра, раньше ты не сможешь выяснить, где он был и с кем виделся перед тем, как пойти к нам. В «Рустермане» сейчас только ночной сторож, да и тот, полагаю, преспокойно дрыхнет. Кстати, я вот что придумал. Орхидею присылать не надо, дай мне лучше письменное разрешение зайти в комнату жертвы и чем-нибудь прикрыть окно. На окне ведь полицейских лент нет. А то кто угодно может залезть внутрь по пожарной лестке снаружи. С прочим торопиться нет нужды, штукатурка и другой хлам куда не денутся.

— Штукатурку убрали. — Стеббинс поглядел на часы и поднялся, хватаясь для верности за подлокотники кресла; странно, обычно он так не делает. — Надо же, Гудвин, ты хоть в чем-то сознался. Размяк, поди? Лента на окне висит, и не смей до нее дотрагиваться. Должны подъехать наши спецы, которые в бомбах разбираются. А начальство пожелает потолковать с Вулфом.

— Я же сказал, он вряд ли захочет...

— Ага-ага. Знаешь, что я думаю? Что он просверлил дыру в потолке и пропихнул бомбу в спальню жертвы.

Стеббинс направился к двери.

Я встал и неспешно последовал за ним. Настроение было хуже некуда — не то что спешить, вообще что-либо делать не возникало ни малейшего желания. Когда Стеббинс удалился и дверь закрылась, я накинул цепочку, выключил свет в кабинете и прихожей и поднялся в свою комнату, безжалостно бросив — трудно поверить, не так ли? — грязные тарелки

и стаканы на столе. Фриц ушел спать почти час назад, когда толпа копов, за исключением Стеббинса, разбежалась, но предварительно, не спрашивая нас, приготовил на скорую руку сэндвичи.

Конечно, я заснул через две минуты после того, как принял горизонтальное положение, и проспал очень долго. Я во все не похваляюсь этим достижением, не надо считать меня вульгарным дикарем, но факт есть факт. Будильник я поставил на десять утра. Впрочем, были подозрения, что меня все равно разбудят раньше — звук-то телефона я приглушил, но провод из розетки выдергивать не стал.

Как ни удивительно, обошлось. Когда по радио изрекли: «Вы никогда не пожалеете о том, что поддались соблазну и решились испробовать единственный крем, который побуждает желать прикосновения к собственной коже!», я протянул руку к регулятору звука, не открывая глаз. Потом попытался убедить себя, что лишний часик сна никому не повредит, но внезапно осознал, что есть проблема, которая сама собой не разрешится. По имени Теодор. В общем, я открыл глаза, дотянулся до домашнего телефона и позвонил на кухню.

Спустя пять секунд голос Фрица проронил:

— Да.

Наш повар утверждает, что нисколько не подражает Вулфу, но Вулф обычно отвечает «Да?» — и Фриц тоже так говорит.

— Уже на боевом посту? — осведомился я.

— Да. Отнес ему завтрак.

— Он съел?

— Да.

— Господи, ты с утра сама прелесть!

— Не мели ерунды, Арчи. Он в ярости. А ты?

— У меня все чувства отшибло. Что там насчет Теодора?

— Пришел, поднялся в оранжерею. Я предупредил, что Вулфа ждать не стоит.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО <i>Перевод К. Королева</i>	5
ГОРЬКИЙ КОНЕЦ <i>Перевод А. Сапина</i>	183
ПОЧЕМУ НИРО ВУЛФ ЛЮБИТ ОРХИДЕИ <i>Перевод О. Александровой</i>	259
КУЛИНАРНАЯ КНИГА НИРО ВУЛФА <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	267

Стаут Р.

С 78 Семейное дело : роман, повесть, эссе / Рекс Стаут ; пер. с англ. К. Королева, А. Санина, О. Александровой, Т. Чернышевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-18929-4

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Никогда еще в стенах особняка Ниро Вулфа не случалось убийств. Официант Пьер Даκος из ресторана «Рустерман», явившийся ночью в дом сыщика, заявляет, что на него готовится покушение, и требует встречи с Вулфом. Арчи Гудвин, чтобы не будить шефа, предлагает Пьеру переночевать в их доме и встречу перенести на утро. И когда все успокоились, в доме грохочет взрыв. Замаскированная под сигару бомба взрывается у Пьера в руке... Что еще остается сыщику, как не взяться расследовать преступление («Семейное дело»).

Личный повар Вулфа заболевает гриппом, и сыщик вынужден временно перейти на пищу из лавки деликатесов. Но какова же была степень негодования сыщика, когда в паштете, купленном Арчи Гудвином в лавке, был обнаружен хинин. Неужели Ниро Вулфа кто-то собирался отравить? Сыщик начинает собственное расследование, и оно приводит к непредсказуемым результатам... («Горький конец»)

Для читателей не секрет, что традиционная трапеза, приготовленная Фрицем Бреннером, личным поваром Ниро Вулфа и кулинаром высшего класса, непременно присутствует в каждом романе Стаута. В «Кулинарной книге», завершающей этот сборник, собраны рецепты любимых блюд знаменитого детектива («Кулинарная книга Ниро Вулфа»).

Большинство произведений, вошедших в сборник, даны в новых переводах или публикуются впервые.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар

Подписано в печать 20.02.2023. Формат издания 60 × 88^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 35,28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ILD-27612-01-R